

притеснителей, но и местных эксплуататоров — господарей, бояр, попов, примарей, полицаев и др. Своеобразна народная драма «Партизаны» — о борьбе партизан против фашистских захватчиков. В ней используется традиционная форма гайдуцких драм, их излюбленные песни и манера ведения диалога.

Большой интерес представляет глава о драматургии народов, проживающих в Молдавской ССР. Здесь дается описание (к сожалению, суммарно и без текстового материала) русской, украинской, гагаузской, болгарской, чешской, греческой и турецкой драматургии. Упоминаются варианты русских драм «Царь Максимон (Максимилиан)», «Лодка», «Медведь», «Коза» и др.; украинских — «Маланка и турок», «Деды», «Хорпына» и др.; гагаузских — «Джюмбюшлары» («Весельчаки»), «Медведи»; болгарских — «Кукуеры» («Шляпники»), «Кузата» («Коза»); чешских — «Когут» («Петух») и «Медведь»; греческой «Назики» («Мурашки»), турецких представлений, в особенности, театра теней. Безусловно, тексты этих драм также необходимо издать. Это поможет специалистам проследить процесс взаимовлияния культур, в частности, драматургического фольклора названных народов.

Рецензируемая работа не лишена и некоторых недостатков. В книге отсутствует четкая классификация материала, столь необходимая для антологии. Так, «Гайдуки» упоминаются в разделе «представления» (стр. 72), а также в разделе «собственно драмы» (стр. 144); «Маланка» описана в разделе «представления» (стр. 88) и, кроме того, выделена в особый раздел (стр. 213). У автора имеются и отдельные противоречивые высказывания, непоследовательность в изложении, стилистические погрешности, неточности при комментировании фотографий и пр.

Досадным кажется нам отсутствие строгой документации текстов. Редко где указан возраст информаторов, местами отсутствуют и их фамилии, не указано, где именно и от кого записаны тексты тех или иных молдавских легенд и преданий, а также произведения драматургии других народов, проживающих в Молдавской ССР. Недостаточно объяснены «несвязанность» эпизодов отдельных драм (например «Маланки»), кажущийся случайный характер этих эпизодов. Не раскрыт вклад молдавских фольклористов в дело собрания, публикации и изучения молдавской народной драматургии. Поскольку большинство материалов антологии собрано самим составителем, о чем говорится во вступлении, излишним является упоминание его имени при паспортизации почти каждого текста.

Несмотря на недостатки, публикация этой работы — заметное явление в фольклористике Молдавской ССР, так как рецензируемая антология — первая крупная публикация произведений молдавской народной драматургии и критическое осмысление жанра молдавского народного творчества, бывшего до сих пор малоизвестным как широкому кругу читателей, так и специалистам.

В. А. Чиримпей

Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины. ч. I. Очерк фонетики, тексты и словарь. Алма-Ата, 1970, 263 с. ч. 2. Лексика, морфология и языковая интерференция. Алма-Ата, 1976, 287 с.

Значительным явлением в изучении этнической истории народов Средней Азии и Казахстана является выход в свет двух монографий чл.-корр. АН КазССР Г. С. Садвакасова. Язык советских уйгуров представлен ныне двумя говорами — семиреченским и ферганским. До последнего времени менее изученным оставался именно ферганский говор уйгурского языка. Фундаментальный труд Г. С. Садвакасова закрывает лауну в исследованиях уйгурских диалектов данного региона.

Ферганские уйгуры — выходцы из Восточного Туркестана. Первые значительные группы их эмигрировали из Кашгарии еще в середине XVIII в. из-за невыносимого экономического и социально-политического гнета маньчжуро-китайских властей. Приток переселенцев не ослабевал и в последующие десятилетия. К середине XIX в. в Ферганской долине проживало свыше 250 тыс. уйгуров, говоривших в основном на кашгарском говоре центрального диалекта уйгурского языка. Ныне уйгуры расселены мелкими группами в отдельных поселках и городах Ферганской долины на территории Андижанской области Узбекской ССР и Ошской области Киргизской ССР. Носители ферганского говора живут также в городах: Токмаке, Нарыне, Фрунзе, Алма-Ате, Джамбуле, Чимкенте (см. ч. I, с. 6—7).

Работа Г. С. Садвакасова — известный итог деятельности Отдела уйгуроведения при Институте языкознания АН КазССР. Отдел уйгуроведения организовал несколько экспедиций в Ферганскую долину (1961, 1962, 1967, 1970 гг.), в результате которых были собраны значительные текстовые материалы, сделаны магнитофонные записи, позволяющие произвести инструментальные исследования фонетических особенностей говора и зафиксировать живую речь для последующего ее изучения. На основе этих материалов автор представил целостное описание всех языковых уровней ферганского

говора — лексики, фонетики, грамматики. Он определил его место в системе диалектов, выяснил его соотношение с литературным языком, языковую ситуацию в этом регионе, а также обратился к актуальным для советского языкознания вопросам языковой интерференции в современных социально-экономических условиях.

Особенности формирования уйгурского населения данного региона и социально-экономические условия его жизни создали в наши дни почти уникальную этнолингвистическую ситуацию, одинаково интересную и для этнографов, и для лингвистов. Прежде всего, переселение уйгуров в Ферганскую долину способствовало их изоляции от основной массы носителей кашгарского говора, поэтому ферганский говор оказался в некотором роде «островным» среди узбекоязычного местного населения. Затем произошло дальнейшее членение этого прежде единого языкового коллектива, в результате чего уйгуры оказались расселенными небольшими локальными группами среди многочисленного узбекского населения. В этих условиях значительный интерес представляет определение степени влияния узбекского языка на уйгурский. Проблемы взаимодействия языков и двуязычия в условиях тесных активных социально-экономических контактов несомненно являются в наши дни чрезвычайно актуальными, и в этом плане монография Г. С. Садвакасова дает много полезного для науки. Взаимодействие разных культур прежде всего отражается в лексике, которая подробно исследована в монографии.

Однако специфика уйгуро-узбекских контактов состоит в том, что между уйгурами и узбеками наблюдается значительная общность духовной и материальной культур, а также близость между языками. Эта этнолингвистическая общность уходит своими корнями в далекое прошлое, ко времени формирования узбекской и уйгурской народностей, которые, как известно, имеют общегенетические корни. Поэтому островной говор оказывается не в чуждой языковой среде, а окруженным близкородственными диалектами. Это же относится и к особенностям сосуществования материальных культур. Сфера применения ферганского говора постепенно сокращается, он становится языком внутрисемейного общения. Все это способствует дальнейшей изоляции ферганского говора от уйгурского языка, ускоренной языковой интерференции, в результате которой интенсивно происходят процессы выравнивания языкового своеобразия этого говора в сторону сближения его с ферганским говором узбекского языка. Разделы, посвященные данным проблемам, следует отнести к наиболее интересным. Важно, что автор рассматривает лингвистические явления в неразрывной связи с этническими процессами в этом регионе.

Обращаясь к так называемым умялутным, для уйгуризированным, говорам узбекского языка, автор показывает сложную этнолингвистическую ситуацию, в создании которой приняли активное участие носители уйгурских говоров, позднее ассимилированные преобладающим узбекским населением. «Поэтому уйгурские элементы, сохранившиеся в составе указанных (узбекских) говоров, должны рассматриваться не как обычное заимствование, а как субстратное явление» (ч. 2, с. 269—270). С этим выводом Г. С. Садвакасова, видимо, следует согласиться и признать, что уйгуро-узбекское взаимодействие было двусторонним, однако при доминировании узбекского влияния.

Труд Г. С. Садвакасова является, несомненно, новым значительным вкладом в советское уйгуроведение и в тюркологию в целом. Не случайно, в 1978 г. он отмечен высокой наградой Академии наук КазССР — премией Чокана Валиханова. Эта награда свидетельствует о больших успехах советского уйгуроведения.

Интересные этнографические данные содержатся во многих разделах работы Г. С. Садвакасова. Прежде всего следует упомянуть записанные в разных местах расселения уйгуров тексты, которые представлены в первой книге (с. 73—162). Здесь имеются прозаические тексты на бытовые темы, воспоминания исторического характера, фольклорные записи, а также стихотворения, загадки, песни нового времени.

К текстам приложен словарь (ч. I, с. 165—257), где часто даются также подробные толкования слов, в том числе и этнографического содержания. Во второй книге специальный раздел посвящен описанию лексики говора (с. 19—79). Автор устанавливает, что в лексике сохранены основные характерные черты уйгурского языка. Вместе с тем, в настоящее время в говор проникает значительное число узбекских слов, что придает ему «явный узбекский колорит» (с. 78).

Во второй части большое место занимает описание морфологических особенностей говора, системы словообразования в нем. К достоинствам лингвистического анализа следует отнести применение системного описания говора, то есть рассмотрение всей совокупности языковых фактов. Таким образом, перед читателем предстает полная картина своеобразия ферганского говора во всем его объеме. На таком фоне яснее видны его связи с другими говорами уйгурского языка, с уйгурским литературным языком, а также с окружающими узбекскими говорами. Все эти связи Г. Садвакасов анализирует, привлекая убедительные примеры и факты из истории языка.

Богатый лингвистический и этнографический материал, вводимый в науку работами Г. Садвакасова, будет способствовать решению ряда проблем этнолингвистических контактов в условиях развитого социализма.

Д. М. Насилов